

АРХЕОЛОГІЯ РАНЬОГО ЗАЛІЗНОГО ВІКУ

Бабенко Л. И.

Об этнической ситуации в северскодонецком регионе в IV в. до н.э.

Одной из ключевых проблем современной скифологии является этногеография Скифии, главная задача которой сводится к соотношению того или иного племени, название которого известно из письменных источников, прежде всего «Истории» Геродота, с определенным географическим регионом или же локальной группой памятников скифской культуры. Свое отношение к решению общих и частных вопросов этой проблемы высказали многие исследователи-скифологи, поэтому историография этой темы, ежегодно пополняемая десятками работ, обширна и отличается разнообразием мнений [12, с.51-66; 14, с.61-162; 18, с.3-12].

Проблема этнической атрибуции памятников северскодонецкого локального варианта скифской культуры не является исключением. Население этого региона различными исследователями отождествлялось со скифами-земледельцами [8, с.118; 9, с.38; 17, с.59], скифами-кочевниками [18, р.3], гелонами [16, с.191], гелоно-будинской общностью (включавшую и меланхленов) [1, с.158-161], просто скифами [7, с.147].

В настоящее время большинство исследователей отождествляют северскодонецкие памятники с меланхленами. Наиболее последовательным сторонником этой точки зрения на протяжении уже 40 лет является Б. А. Шрамко [20, с.233-234; 22, с.126-128], к мнению которого за последние десятилетия присоединились такие авторитеты, как Б. Н. Граков [6, с.164], Б. Н. Мозолевский [19], А. А. Моруженко [13, с.38]. В последнее время эту гипотезу поддержали А. В. Бандуровский и Ю. В. Буйнов, дополнив сложившуюся систему аргументации рядом новых оригинальных соображений [3, с.119-123].

Находя последнюю точку зрения наиболее обстоятельной и аргументированной, хотелось бы обратить внимание на ряд моментов, которые желательно учитывать при решении этой проблемы в дальнейшем.

Как правило, каждая из предложенных карт этногеографии Скифии автоматически распространяется на археологические памятники достаточно широкого хронологического диапазона – с VI по IV вв. до н.э., хотя из этого периода около 150 лет (со второй половины V в. до н.э.) относятся к «постгеродотовской» эпохе, а именно этим временем в некоторых регионах датируется подавляющая часть выявленных и исследованных памятников.

Следовательно, даже при наличии убедительной аргументации в пользу отождествления «геродотовского» племени с конкретным географическим районом (в нашем случае меланхленов с северскодонецкими памятниками), распространение полученных выводов на памятники второй половины V-IV вв. до н.э. будет выглядеть корректным лишь при условии отсутствия на этой территории в течении рассматриваемого времени сколько-нибудь значительных племенных миграций.

Между тем, сведения о существовании подобных миграций содержат ряд письменных источников. Несколько таких примеров приводит и сам Геродот. В частности, отец истории упоминает невров, за одно поколение до похода Дария покинувших свою страну из-за нашествия змей [IV, 105], гелонов, оставивших гавань и поселившихся в землях будинов [IV, 108], наконец, отказавшихся от участия в антиперсидской коалиции и, при приближении к своим землям скифского войска, бежавших «на север, в пустыню» меланхленов (!), андрофагов и невров [IV, 125].

Несомненно, подобные миграции больших или меньших групп населения в течении всего, в том числе и более позднего, времени, причем подавляющая их часть, скорее всего, не нашла никакого отражения в дошедших до нашего времени письменных источниках.

Племенные миграции на территории Лесостепи четко фиксируются и посредством анализа собственно археологических памятников, прежде всего путем подсчета изменений количества погребальных комплексов отдельной территории в определенный хронологический отрезок. Динамика подобных изменений, отражающая приход в тот или иной район или уход из него определенного количества населения, прослеживается практически во всех регионах Лесостепи. Наиболее показательным примером в этом отношении являются, с одной стороны, памятники Посулья [8, с.63-85], Посемья [15, с.88], отчасти Днепровского Лесостепного Правобережья [10, с.27-49], где наблюдается постепенное сокращение количества погребений, и, с другой, – почти синхронное распространение близких по погребальному обряду и матеральной культуре комплексов в Среднем Подонье.

В последнее время тезис о почти полном тождестве культур Левобережной Украинской Лесостепи и среднедонских памятников активно развивает в своих работах В. И. Гуляев [7, с.147].

В свою очередь, В. П. Копылов связывает появление в дельте Дона нового населения, оставившего Елизаветинский могильник, с передвижением в этот регион в конце первой четверти V в. до н.э. племен с территории лесостепного левобережного Приднепровья [11, с.163-165].

Тщательный анализ меридионально-ориентированных погребений Приднепровской Лесостепи, проследив динамику количественных изменений погребальных комплексов каждого региона на определенном хронологическом этапе, провел Ю. Н. Бойко, связав подобные изменения с постоянными миграциями определенной этнической группы, в частности, с будинами [4, с.59-78]. К сожалению, в территориальную выборку исследователя не вошли северскодонецкие памятники; непосредственно примыкающие к обозначенному ареалу как географически, так и культурно. Подобное игнорирование северскодонецкого региона досаднее тем, что подавляющую часть его курганных захоронений составляют именно «меридионально-ориентированные погребения» [3, с.42].

Таким образом, в современной скифологии факт существования миграций населения на территории Лесостепи, независимо от авторских этнических интерпретаций этих племен, можно считать признанным многими исследователями. При этом северскодонецкий регион, являясь неотъемлемой частью территории

историко-культурної общности лесостепных племен днепро-донецкого междуречья [13, с.25-40], находился в непосредственной близости от подобных миграций, которые, в свою очередь, не могли не отразиться и на его памятниках. Принимая во внимание географическую близость северскодонецкого региона, его исключительно выгодное торговое (рядом проходил знаменитый Муравский шлях, являвшийся в скифское время важнейшей торговой артерией [3, с.121-123]) и геополитическое (заболоченная и поросшая лесом территория облегчала организацию обороны от возможных набегов кочевников [3, с.122], а тот же Муравский шлях позволял в случае необходимости оперативно присоединиться к завоевательным походам скифов, обещавших быстрое обогащение [2, с.42]) положение, вполне логично предположить, что эта территория могла использоваться не только в качестве транзита при переселении отдельных групп населения, но и быть самой весьма привлекательным объектом освоения.

Поиск конкретных следов рассматриваемых миграций затруднителен из-за целого ряда объективных причин. К последним, прежде всего, относится отмеченная многими исследователями [3, с.59; 13] высокая степень общности основных элементов как материальной культуры, так и погребального обряда, что одновременно является свидетельством активных межплеменных связей. Помимо этого, нельзя признать удовлетворительным и состояние источниковедческой базы. В настоящее время выборка исследованных погребений составила около 200 наименований [3, с.210-235], многие могильники, насчитывающие несколько десятков, а то и сотен насыпей (Большая Гомольша, Люботин, Гришковка и другие), представлены здесь очень скромно, что, в свою очередь, не позволяет определиться с культурно-исторической характеристикой того или иного памятника. К тому же, значительная часть курганов, ограбленных в древности, продолжает оставаться объектом пристального внимания современных кладоискателей.

Между тем, в результате археологических исследований последних десятилетий, были раскопаны несколько курганных могильников второй половины V-начала III вв. до н.э. (Протопоповка, Песочин, Старый Мерчик). Отличительной особенностью этих исследований является то, что в результате изысканий была раскопана значительная, иногда подавляющая, часть насыпей могильника (Протопоповка, Песочин) или отдельной курганной группы (Старый Мерчик). Несмотря на то, что большинство захоронений оказались ограбленными, во многих из них было выявлено значительное количество разнообразных предметов вооружения, конского снаряжения и, особенно, античного импорта.

Так, только в Песочинском могильнике из 37 захоронений оружие было выявлено в 20 погребениях, из них наконечники стрел — в 18 (причем в пяти случаях наборы стрел превышали 100 экземпляров), наконечники копий и дротиков — в 8 погребениях, мечи — в 2-х и защитный доспех в 4 погребениях. Импортная посуда (амфоры, килик, канфар, лекиф, чаша) — в 6 захоронениях, золотые украшения (гривна, серьги, перстни, пластинчатая аппликация, медальон и другое) — в 15 погребениях, в 5-ти — бронзовые зеркала, в одном — бронзовый котел.

Не менее представительные находки содержали и захоронения других могильников. Если погребальный инвентарь этих северскодонецких могильников представить как в процентном, так и в абсолютном выражении, он не уступит, а иногда и превзойдет аналогичные показатели и многих степных памятников, и вызвавших в последнее время широкий резонанс среднедонских.

Вопрос о происхождении этих памятников в настоящее время нельзя решить однозначно. С одной стороны, их появление с учетом таких важнейших этноопределяющих факторов, как тип погребального сооружения, ориентировка покойника и прочих, можно связать с развитием социальной структуры местного населения, проживавшего здесь по меньшей мере со второй половины VII в. до н.э. Обращает на себя внимание отсутствие среди захоронений могильников погребений ранне- и среднескифского периодов, что требует особого объяснения. И в этом случае первостепенное значение приобретает тот факт, что подавляющая часть насыпей могильников раскопана, соответственно, вероятность обнаружения в неисследованных курганах погребений более раннего периода ничтожно мала.

В северскодонецком регионе известен ряд могильников, содержащих погребения с широкой датировкой — от VI до IV вв. до н.э. (Большая Гомольша, Люботин) [21, с.54-61] и, значит, функционировавших на протяжении почти всего скифского периода. Появление здесь со второй половины V в. до н.э. новых могильников было обусловлено какими-то особыми причинами. Нельзя согласиться с объяснением этого факта, как стремлением зародившейся местной аристократии подчеркнуть свое новое социальное положение путем территориального обособления своих захоронений [3, с.28]. На том же Песочинском могильнике захоронения знати составляют меньшую часть от общего числа погребений. Не меньше половины — могилы рядовых общинников, совершенные в курганах высотой до 1 метра и сопровождаемые скромным инвентарем. Если учесть, что около десятка курганов, имевших едва заметную насыпь, остались нераскопанными, то доля рядовых могил еще более возрастет.

Между тем, показательной чертой погребального обряда рассматриваемых памятников является присутствие в могилах захоронений взнузданного коня или предметов конского снаряжения. Подобная черта была не характерна северскодонецкому населению в ранне- и среднескифский период, что составляет одну из особенностей погребального обряда местного населения. В то же время, в Лесостепном Правобережье в курганах второй половины VII-V вв. до н.э. погребения с предметами конского снаряжения составляют 28-32% [10, с.36, 40]. Известны здесь и захоронения взнузданных лошадей. Достаточно значительная доля погребений с предметами конского снаряжения присутствует и в курганах Посулья [8, с.103-135], поэтому внезапное появление новой черты погребального обряда у населения северскодонецкого региона могло быть связано с внешним влиянием, причем не обязательно с юга, со степи, а, возможно, с запада. Если принять во внимание, что именно в это время происходит достаточно значительное переселение больших или меньших групп населения

с Придніпровської Лесостепи в северо-восточном и юго-восточном направлениях, то можно предположить, что какая-то часть мигрирующего населения осела и в северскодонецком регионе, оставив здесь впоследствии могильники с новыми чертами погребального обряда.

При этом следует отметить, что отношения переселенцев с местным населением носили бесконфликтный характер, о чем свидетельствует продолжавшееся функционирование памятников, возникших еще в раннескифское время и расположенных в непосредственной близости к новым. Это, в свою очередь, свидетельствует и о возможном этническом родстве обеих групп населения. Ю. В. Буйнов считает посульские курганы общеплеменными могильниками всего населения Левобережной Лесостепи, в том числе и северскодонецких меланхленов [3, с.125], однако подобная точка зрения, являясь весьма перспективной, имеет и некоторые спорные моменты.

Если предложенная схема соответствует действительности, то следует признать, что уже со второй половины V в. до н.э. северскодонецкий регион не является территорией проживания одного этноса. Значит, помимо единичных фактов инфильтрации в местную среду представителей соседних территорий, прежде всего савроматов и степных скифов [3, с.118], не сыгравших сколь-нибудь весомого ни демографического (в виду малочисленности), ни политического (как правило, это рядовые погребения со скромным инвентарем) значения, в северскодонецком регионе могли проживать по меньшей мере две значительные этнические группировки, что и следует учитывать при построении этногеографических реконструкций.

1. Артамонов А. И. *Этнография Скифии* // Уч. зап. ЛГУ. — 1949. — №13.
2. Бабенко Л. И. *О характере погребений с вещами скифского типа в донецко-донской лесостепи* // Проблемы истории и археологии Украины. — Харьков, 2001.
3. Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. *Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант)*. — К., 2000.
4. Бойко Ю. Н. *Мериодионально-ориентированные погребения приднепровской лесостепи скифского времени* // Древности. — Харьков, 1998.
5. Граков Б. М. *Скифы*. — К., 1947.
6. Граков Б. Н. *Скифы*. — М., 1971.
7. Гуляев В. И. *Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V-IV вв. до н.э.* // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э.
8. Ильинская В. А. *Скифы днепровского лесостепного Левобережья*. — К., 1968.
9. Іллінська В. А. *Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи* // Археологія. — 1970. — Т.23.
10. Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья*. — К., 1989.
11. Копылов В. П. *Население дельты Дона в V-IV вв. до н.э.* // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. — М., 2000.
12. Мозолевский Б. М. *Проблеми етнічної географії Скіфії* // Археологія. — 1996. — №4.
13. Моруженко А. А. *Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время* // СА. — 1989. — №4.
14. Нейхардт А. А. *Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии*. — Л., 1982.
15. Пузикова А. И. *Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь*. — М., 1997.
16. Рыбаков Б. А. *Геродотово Скифия*. — М., 1979.
17. Смирнов А. П. *Скифы*. — М., 1966.
18. Тереножкин А. И. *Скифский вопрос* // Скифы Северного Причерноморья. — К., 1987.
19. Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н. *Мелитопольский курган*. — К., 1988.
20. Шрамко Б. А. *Древности Северского Донца*. — Харьков, 1962.
21. Шрамко Б. А. *Розкопки курганів раннього залізного віку на Харківщині* // Археологія. — 1983. — №43.
22. Шрамко Б. А. *Люботинское городище* // Люботинское городище. — Харьков, 1998.

Гречко Д. С.

Новые материалы скифского времени с поселения у с. Завадовка

Осенью 2001 года археологическим отрядом Харьковского областного Дворца детского и юношеского творчества, на основании Открытого листа № 62 были проведены охранные археологические разведки на территории Нововодолажского района Харьковской области [6, с.9-11]. Работы проводились с целью обнаружения новых археологических памятников для их дальнейшего исследования и постановки на учет, а также с целью выяснения состояния уже известных археологических объектов, значительная часть которых в современных условиях разрушается и уничтожается.

В двух километрах от Червоносовского городища скифской эпохи, к югу, между притоками реки Ольховатка было осмотрено уже известное селище скифского времени. Оно находится в 1,5 км к западу от современного села Завадовка. Селище было открыто Б. А. Шрамко. В 1972 году на нем отмечалось 12 зольников [8, с.12]. Поселение находится на плато левого берега реки Ольховатки и имеет размеры 500x800 м. С юго-востока оно ограничено небольшим оврагом, часть которого в настоящее время заболочена, с северо-запада и юга его ограничивают лесопосадки. В центральной части поселения, на его наиболее высоком месте расположены 16 зольников, часть из которых перерезает современная грунтовая дорога с покрытием, ведущая в село Завадовка. Нами был снят план поселения с нанесением имеющихся зольников.¹ Западная часть поселения

¹ Схему селища у с. Завадовка см. в статье Шрамко И. Б. и Задникова С. А. в данном сборнике.